

За кулисами уроков

Ольга Оконеvская,
учитель-методист
Харьковской средней специализированной
музыкальной школы-интерната,
отличник образования,
Лауреат премии «Народное признание»,
«Харьковчанин года 2006»

В реанимации

«Поэзия, как ангел утешитель, спасла меня, и я воскрес душой». В справедливости исцеляющих сил поэзии и вообще литературы я убедилась на собственном опыте, а точнее — понуро лежу в реанимации после ДТП: ну не заметил меня водитель на «зебре». Славный, порядочный человек. Сам вызвал и ГАИ, и «скорую». Просидел всю ночь под дверью операционной, оплатил наркоз и пластины, которые спасли руку, ежедневно привозил в больницу родственников.

Что делать в реанимации? Читать и писать не могу. Разговаривать не с кем: все такие же. Самая лучшая духовная подпитка — стихи. Их накопилось во мне достаточно много. А потом вдруг всплыл дневник Робинзона Крузо с его четким делением на «плохо» и «хорошо». И применительно к моей ситуации получилось:

Плохо	Хорошо
ДТП	Жива, слава Богу
Рука защита от запястья до плеча.	Левая, не нужно переучиваться.
Два перелома таза.	Но не позвоночника и не шейки бедра.
Сильное сотрясение мозга.	Но врачи утверждают, что мозги работают.

Подвела основные итоги и поняла: все вполне терпимо.

Врач сказал, что если сделать очень дорогостоящую капельницу, то я, возможно, буду сидеть. «Доктор, первого сентября я буду стоять у доски». Дело было в апреле. Врач посмотрел в исто-

рию болезни: уточнил возраст и спросил: «Простите, что вы сказали? — «Простите, все, что вы услышали, доктор».

Выстоять мне помогла литература, мои домашние, школа, друзья.

Почти каждый день приходили учителя или ученики. Рассказывали, что на столике у дежурной поставили коробочку для записок. Однажды среди дружеских посланий обнаружила полиэтиленовый прозрачный кулечек с мелочью от детей интерната, где живут у нас иногородние дети со всей Украины. Монетки и бумажные — одна и две гривны. И вдруг среди них — барбариска. Обтерханная такая. Видно, много раз переносилась из кармана в карман и откладывалась «на потом». Это был самый щедрый безымянный дар в моей жизни и единственные слезы за всю больницу. Вспомнились слова поэта-блокадника Михаила Дудина о том, что теперь он может плакать только от чего-то хорошего.

P.S. А кулек со щедрыми дарами я так и не открыла — оставила «На потом», навсегда.

Галя

В шестом классе появилась новая девочка — маленькая, малоразговорчивая, неприметная. Негромко отвечала на вопросы, так же негромко и не очень выразительно читала на память стихи. Изучали «Мороз — Красный нос», а потом писали сочинение. Дети рассказывали о

главных чертах героев, о трагедии крестьянской семьи. И вдруг Галя спросила: «А можно о природе?» К такому вопросу я не была готова: мало кто из школьников вообще ее замечает. Но ответила положительно. Мне не терпелось прочитать работу. Это был гимн природе, ее единству с человеком: созвучные настроения, общие радости и страдания. Как можно было все это увидеть, прочувствовать и, главное, изложить? В таком возрасте? Темы я обычно заранее не даю, значит, девочка писала это экспромтом. Стала присматриваться к ней во время письменных работ — она становилась очень красивой, вдохновленной, с печатью творчества...

На экзаменах в восьмом классе одна из тем — «Друзья моего детства». Писали о ровесниках и взрослых, о тех, с кем общались ежедневно и с кем встречались в пионерских лагерях. А Галя написала... об облаках. Они такие разные и по форме, и по цвету, и по размеру. Они — то почти не двигаются, то бегут, то летят, будто наперегонки. Они, как и люди, украшают жизнь, особенно в детстве, когда начинаешь думать не только о земле, но и о небе. Редко кто задумывается над этим в такие годы.

На выпускном экзамене Галя выбрала тему: «Труд — источник всех радостей, всего лучшего в мире». Но раскрывала ее не на ходульных произведениях о роли рабочего класса и трудового крестьянства, а на «Золотой розе» Паустовского, считая, что самым интересным и увлекательным в литературе является не столько даже продукт творческого труда, сколько сам процесс, за которым «подглядеть» невозможно. В нем участвуют струны человека, наиболее отзывчивые к проявлению чувств.

Девочка очень тонко ощутила эту повесть, вникая в сущность творчества и писателя, и его главного героя — мусорщика, который из собранных песчинок выковал, «золотую розу счастья» для своей дочери.

В 11 классе Галя пришла к выводу, что профессионально хочет работать с книгами больше, чем с нотами. Ей, пианистке,

было стыдно сказать об этом преподавателю по специальности и родителям.

Я посоветовала сделать это как можно быстрее.

Галя подала заявление на филфак Университета. Мне было очень страшно за нее: тихая, робкая, застенчивая, она может на устном экзамене не произвести должного впечатления на фоне будущих бойких филологов. И я отважилась пойти к председателю приемной комиссии. Показала ему тетради за несколько лет со взрослеющими мыслями и почерком, рассказала о девочке. «Так чего же вы боитесь? — спросили меня, — О чем просите?» — «Я боюсь только одного: чтобы форма не затмила содержания ее ответа. Пока другие с упоением будут говорить чужими фразами, Галя будет неспешно искать и оттачивать свои. Поэтому прошу: вслушайтесь в них».

Галя успешно завершила учебу, защитила кандидатскую диссертацию и много лет работает в одной из ведущих библиотек города.

О моем походе она, естественно, не знает, иначе решила бы, что поступила «по благу».

Очарованная Пушкиным

В октябре 1995 года готовились встретиться у нас в школе Стеллу Лазаревну Абрамович. Исследователь творчества Пушкина Юрий Лотман писал, что без ее трудов невозможно представить современную пушкиниану. Зная Стеллу Лазаревну прежде всего как автора книги о последней дуэли поэта, мы и на афише написали об этом.

Стелла Лазаревна вошла в наш большой зал, освещенный ярким осенним солнцем, и вдруг сказала: «Ребята, я сегодня не хочу говорить о смерти. Я расскажу о Пушкине — вашем ровеснике».

Четверть века нет Стеллы Лазаревны, а красивая афиша до сих пор висит у меня в кабинете литературы как память о встрече с известной нашей землячкой.

Она — выпускница Харьковского университета, достойная ученица известных

ученых Н.М. Баженова и М.П. Легавки, которые приглашали ее в аспирантуру. Один — на кафедре языка, другой — на кафедре литературы. Но по известным причинам в университете ее не оставили.

Учительская работа в Харькове, с 1952 г. — в Ленинграде. В ее представлении город на Неве — открытая книга, на титульном листе которой сияет имя Пушкина.

Любовь к поэту привела Стеллу Лазаревну под своды его последней квартиры на набережной Мойки. Семнадцать лет проработала она старшим научным сотрудником этого удивительного музея, там же задумала грандиозную тетралогию о жизни поэта в последние годы.

Окончательный, расширенный вариант книги о дуэли и смерти Пушкина был подписан к печати в феврале 1994 г., а в апреле того же года был сдан в набор необычный фолиант — "Пушкин в 1833 году". Удивителен путь исследователя — будто вспять от последнего несчастья — к последнему счастью, от трагедии — к триумфу, от пропасти небытия — к вершине взлета, к торжеству жизни, которая прослежена по часам. Еще бы: ведь это год второй Болдинской осени, где один октябрь, например, чего стоит: "Медный всадник", "Скупой рыцарь", стихотворение "Осень", две баллады, "Пиковая дама".

Это год рождения сына Александра. Год перехода от благородного разбойника Дубровского к страшному и манящему Пугачеву, год разрешенной поездки по местам бунта. Читаешь эту увлекательную книгу жизни — и будто едешь вместе с Пушкиным на той самой скорости (7 верст в час) по проселочным дорогам и останавливаешься в местах и местечках со звенящими русскими названиями: Ярополец, Волоколамск, Торжок, Ржев, Богородское. Слышишь пророческое: "Не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный".

Обо всем этом Стелла Лазаревна рассказала не только читателям, но и своим благодарным слушателям в Харькове.

Судьба щедро одарила ее талантом исследователя, кабинетного ученого и яркого, интересного лектора.

Впервые она выступала в харьковском Центральном лектории в 1983 году, а последний раз — осенью 1994-го, когда приехала по приглашению общества творческой интеллигенции "Круг". Ее засыпали вопросами и цветами. Люди спрашивали о Пушкине так, как можно спрашивать о близком, родном и очень дорогом человеке... Не это ли высшая награда для автора?

А еще судьба одарила ее счастьем идти по жизни со своим бывшим одноклассником, впоследствии известным ученым, историком-медиевистом, влюбленным в Жанну Д'Арк, как она в Пушкина. Владимир Ильич Райцес первый исследовал 1700 страниц Аженского муниципального архива (XVI век!). Именно он был консультантом молодых кинематографистов Глеба Панфилова и Инны Чуриковой (фильм «Начало»).

По приглашению французов Стелла Лазаревна и Владимир Ильич посетили Париж, Орлеан и другие города Франции. Она еще успели посвятить друг другу свои книги — зримые памятники любви.

Стелла Лазаревна была больна — тяжело, неизлечимо. Перенесла операцию. Что-то знала точно, о чем-то догадывалась. Но не имела права уйти до Владимира Ильича: без нее он, еле передвигавшийся на костылях по дому, зависящий от постоянных переливаний крови, просто не выжил бы. Она, смертельно больная, была его ангелом-хранителем.

Во второй половине августа 1995 года он попал в стационар. Все дни она находилась рядом.

Проводив Владимира Ильича к последнему приюту — в ахматовское Комарово, Стелла Лазаревна начала жить как бы в другом измерении. Теперь главное — успеть привести в порядок память о двух главных в ее жизни людях — Пушкине и муже. Для Мнемозины ведь нет живых и мертвых, как нет и временных расстояний между ними.

Стелла Лазаревна торопилась, концентрируя, сжимая сутки. С той же скоростью сокращалась ее собственная жизнь. Высокий и жуткий марафон.

Последний мой приезд в Петербург в январе 1996 года. Последний приход на улицу Есенина. Метро «Проспект Просвещения» — неасфальтированная дорожка наискосок — «народная тропа», как называла ее Стелла Лазаревна.

— Ольга Максимовна! Скажите, только честно, я не желтая?

— Честно, не желтая. Посмотрите в зеркало — оно подтвердит.

— Меня заставили, наконец, пройти обследование... Сказали: «Того, о чем вы думаете, нет, но печень подлечить необходимо».

В глазах вопрос и почти детская незащищенность.

Я передала приветы и письма из Харькова, собираюсь уже уходить, но Стелла Лазаревна останавливает:

— Ну, что вы! Мы вот сейчас чайку попьем, а то (очень смутившись) ни времени, ни сил нет... Я тут Волин архив разбираю, перечитываю его последнюю книгу.

Потом подвела меня к письменному столу, где как на последнем, на главном параде, выстроились каталожные ящики с тысячами карточек — прослеженная любящим сердцем и точным мозгом жизнь Пушкина — по дням, по часам, иногда по минутам. Самый счастливый год — 1833, самый трагический — последний.

Книги об этих двух годах перекочевали в хранилища библиотек и на полки тысяч читателей. Жизнеописание 1834 и 1835 годов было передо мной, еще не прошедшее через компьютер и типографию, еще такое теплое от руки автора. Часть этих карточек поедет вместе со Стеллой Лазаревной в хоспис и скрасит последние дни ее жизни.

Автор книги о Пушкине давала по эту вторую жизнь, а Пушкин помогал продлить, одухотворить ее собственную. У Пушкина училась Стелла Абрамович не только поэзии, любви... “Необыкновенное присутствие духа не оставляло больно-го”, — записал об умиравшем Пушкине доктор Спасский. Почти теми же словами говорил о Стелле Лазаревне Абрамович ее лечащий врач: “Она успела меньше, чем хотела, но намного больше, чем могла”.

05.08.2021